

27 января

**Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин**

(1826-1889)

195 лет со дня рождения

русского писателя, журналиста, редактора журнала «Отечественные записки»

«В каждом порядочном человеке русской земли Щедрин имеет глубокого почитателя.

Честно имя его между лучшими, и полезнейшими, и даровитейшими детьми нашей родины. Он найдёт себе многих панегиристов, и всех панегириков достоин он».

Н. Г. Чернышевский

«Это писатель ничуть или мало уступающий Льву Толстому, а в энергичной, страстной борьбе со злом, в той силе анализа, с которой он умел разбираться в разных общественных течениях, может быть, даже превосходящий Толстого».

Александр Эртель

«С появлением каждой новой вещи Щедрина валился целый угол старой жизни. Кто помнит впечатление от его «Помпадуров и помпадурш», его «глуповцев» и его «Балалайкина», знает это. Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешно и позорно. Никто не мог отнестись к нему с уважением. И ему оставалось только умереть».

Михаил Соловьёв

«Михаил Евграфович Салтыков — это всеми уважаемый диагност наших общественных зол и недугов».

Иван Сеченов

«Невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина».

Максим Горький

«Особняком среди «сумасшедших» авторов в России стоит Салтыков-Щедрин с его «Историей одного города», снискавшей ему славу «антипатриота», «прокурора» и т.п. Читатели, не обидевшиеся ни на Гоголя, ни на Гаршина, ни на Чехова, почему-то часто обижаются на Щедрина (например, Суворин, выступивший в «Вестнике Европы» под псевдонимом А.Б-ов).

Читатели и критики воспринимают в «Истории одного города» сатирические аллюзии на российскую историю и сильный дидактический заряд того рода, который позволяет ставить Щедрина в один ряд с Радищевым и Чаадаевым, авторами скорее почитаемыми, нежели читаемыми. По ошибке радикалы записали Щедрина в «свои», хотя в «Глупове» не одна бочка дегтя сознательно вылита на всех мечтателей о Золотом веке, на социалистов, фурьеристов, сен-симонистов, на князя Щербатова и Владимира Одоевского. На самом деле, как мне кажется, проблема заключается в том, что Щедрин не называет и даже не считает Глупов сумасшедшим домом, хотя точно так же отказывает ему в праве на «нормальность». Глупов — это гоголевский Нос, разгуливающий сам по себе».

Юрий Буйда

«Слова принадлежат веку, а мысли векам».

Н. М. Карамзин

Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин:

:

Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать.

Во всех странах железные дороги для передвижения служат, а у нас сверх того и для воровства.

Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют...

У ней была в распоряжении громадная сила: упорство тупоумия, и так как эта сила постоянно была в одну точку: досадить, изгадить жизнь, то по временам она являлась чем-то страшным. Мало-помалу арена столовой сделалась недостаточною для неё; она врывалась в кабинет и там настигала Иудушку (прежде она и подумать не посмела бы войти туда, когда барин «занят»). Придёт, сядет к окну, упрётся посоловелыми глазами в пространство, почешется лопатками об косяк и начнёт колобродить.

Когда и какой бюрократ не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать?

Строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения.

Есть легионы сорванцов, у которых на языке «государство», а в мыслях — пирог с казенной начинкою.

Это еще ничего, что в Европе за наш рубль дают один полтинник, будет хуже, если за наш рубль станут давать в морду.

*— Кредит, — толковал он Коле Персианову, — это когда у тебя нет денег... понимаешь? Нет денег, и вдруг — клац! — они есть!
— Однако, топ cher, если потребуют уплаты? — картавил Коля.
— Чудак! Ты даже такой простой вещи не понимаешь! Надобно платить — ну, и опять кредит! Еще платить — еще кредит! Нынче все государства так живут!*